

Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

СТРУКТУРА СОЦИУМА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА (по материалам погребальных комплексов)¹

Статья посвящена различным аспектам социальной интерпретации материалов погребальных комплексов раннесредневековых тюрок (вторая половина I тыс. н.э.). Представлены результаты анализа памятников, раскопанных на Алтае, в Туве и Минусинской котловине. Охарактеризованы особенности гендерной и возрастной дифференциации общества раннесредневековых тюрок. Отдельно рассмотрены возможности моделирования вертикальной структуры социума кочевников. Выделены группы погребений, демонстрирующие гетерогенность общества кочевников Алтае-Саянского региона второй половины I тыс. н.э.

Ключевые слова: Социальная структура, раннесредневековые тюрки, Алтае-Саянский регион, погребальные комплексы, гендерная и возрастная дифференциация, реконструкция.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-32-1-066-077

Введение

Изучение социальной истории кочевников Евразии достаточно давно является самостоятельным направлением исследований. Актуальность и значимость работ в рамках данной тематики определяется рядом факторов, среди которых не последнее место занимает специфика развития обществ кочевников, серьезным образом отличавшихся от более полно изученных государственных образований оседлых земледельцев, а также то влияние, которое кочевники оказали на судьбы значительного количества народов. Номады разных хронологических периодов создали оригинальные социальные системы, в большинстве случаев весьма недолговечные, однако оставившие заметный след в истории.

Одной из наиболее ярких общностей кочевников являлись раннесредневековые тюрки Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Будучи основателями крупнейшей кочевой империи (Великий Тюркский каганат, 551/552–630 гг.), которая простиралась далеко за пределы обозначенной области, они оказали огромное влияние на этногенетические и историко-культурные процессы, происходившие на огромных территориях. После крушения каганата и периода зависимости от Китая (630–682 гг.) номады сумели возродить империю, просуществовавшую до 744 г., и затем вошли в состав политических объединений уйгуров и кыргызов. Несмотря на относительно недолгую историю, раннесредневековые тюрки создали яркую культуру и идеологию, а также сложную социальную систему, ставшую своего рода образцом для многих племен кочевников центрально-азиатского региона.

Данная работа посвящена исследованию социальной истории раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона. Обозначенная тема не является новой. Изучению различных аспектов развития общества кочевников второй половины I тыс. н.э. посвящена обширная литература [Бернштам, 1946, с. 87–147; Кычанов, 1997, с. 94–120; Кляшторный, Савинов, 2005, с. 149–158; и др.]. При этом до сих пор все обобщающие работы в указанном направлении базировались на анализе письменных источников — рунических текстов и китайских династийных хроник. Дальнейшее изучение этих документов, безусловно, имеет перспективы. Однако все же исследовательские возможности интерпретации указанных материалов серьезным образом ограничены. Поэтому в настоящей работе основой для реконструкции социальной истории ран-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

несредневековых тюрок выступают археологические памятники, наиболее информативными из которых являются погребальные комплексы.

Источники и программа исследования

Несмотря на длительную историю изучения и интерпретации археологических памятников Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, до сих пор нет единой точки зрения по поводу того, какие именно комплексы могут быть сопоставлены с раннесредневековыми тюрками. Не останавливаясь подробно на исследовательских позициях, отметим, что, на наш взгляд, наиболее обоснованным является соотнесение с данной этнополитической общностью массива памятников *тюркской археологической культуры*, представленных погребениями по обряду ингумации в сопровождении лошади, «поминальными» каменными оградками, изваяниями, «элитными» мемориальными комплексами и др. Захоронения раннесредневековых тюрок (вторая половина V — XI в.) получили распространение главным образом на территории Алтая, Тувы и Минусинской котловины. Именно Алтае-Саянский регион является областью наибольшего сосредоточения рассматриваемых объектов. Гораздо менее многочисленные захоронения, исследованные в Монголии, Казахстане и Средней Азии, могут привлекаться для уточнения отдельных аспектов истории кочевников.

Погребальные комплексы раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона характеризуются рядом показателей, которые, с одной стороны, затрудняют их социальную интерпретацию, а с другой — определяют методы и подходы исследования. Наиболее существенными из таких факторов являются сравнительная немногочисленность захоронений (немногим более 300 объектов); значительное количество ограбленных комплексов (свыше 30 % от общего числа памятников); неравномерность распределения количества погребений для различных хронологических этапов развития культуры; немногочисленность антропологических определений; значительная степень нивелировки обряда кочевников. Эти обстоятельства определяют необходимость внесения корректив в традиционные подходы к проведению социальных реконструкций по материалам погребальных памятников. В частности, в связи с ограниченностью количества объектов гораздо меньшее значение имеют методы статистического анализа. Так как известно, что небольшие выборки нерепрезентативны [Крадин и др., 2004, с. 31].

Учитывая разработки отечественных и зарубежных специалистов, а также принимая во внимание специфику источниковой базы, считаем возможным разработать программу исследований для реконструкции структуры общества раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона. На первом этапе проводится всесторонняя систематизация и анализ материалов раскопок погребальных комплексов. Второй этап исследования заключается в рассмотрении горизонтальной стратификации общества раннесредневековых тюрок, нашедшей отражение главным образом в гендерной и возрастной дифференциации погребальной обрядности. На данном этапе работы изучаются показатели погребальных сооружений, ритуала и наборов сопроводительного инвентаря, характерные для мужских, женских и детских захоронений, а также для погребений представителей конкретных возрастных групп. Важным моментом является расширение источниковой базы за счет определения половой принадлежности умерших людей из объектов, для которых отсутствуют антропологические характеристики. Выделение признаков, вариабельность которых связана с полом и возрастом погребенных, позволит перейти к обозначению социально обусловленных элементов обряда. Эта работа проводится на третьем этапе исследования. Четвертый этап представляет собой интерпретацию полученных результатов анализа археологических материалов. Основной задачей является моделирование гипотетической структуры социума раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона посредством выделения и характеристики групп погребений. На последующих этапах исследования возможна корреляция полученных результатов анализа погребальных комплексов с другими группами источников. Наибольшее значение в данном случае имеют письменные материалы, позволяющие существенно дополнить и расширить представления о различных аспектах организации общества раннесредневековых тюрок, а также о направлениях эволюции социальной системы кочевников на протяжении второй половины I тыс. н.э.

Для осуществления социального анализа материалов была сформирована специальная выборка, насчитывающая 204 погребения, раскопанных на Алтае (95 объектов), в Туве (48 объектов) и Минусинской котловине (61 объект) (рис. 1). Основным фактором при отборе памятников из общего количества исследованных на сегодняшний день могил (более 300) стала воз-

возможность определения пола умершего, что является необходимым условием для полноценной интерпретации погребений. Выделено 40 женских захоронений, 133 мужские могилы и 31 погребение детей и подростков [Серегин, 2013а, с. 49–50] (рис. 2). Анализ сформированной выборки погребений стал основой для исследования гендерной и возрастной дифференциации общества раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона, выявления «социальных маркеров» обряда, а также моделирования структуры социума номадов.

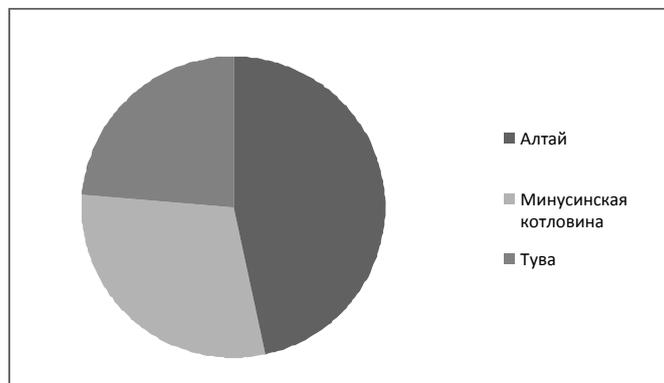

Рис. 1. Количество анализируемых погребений на различных территориях.

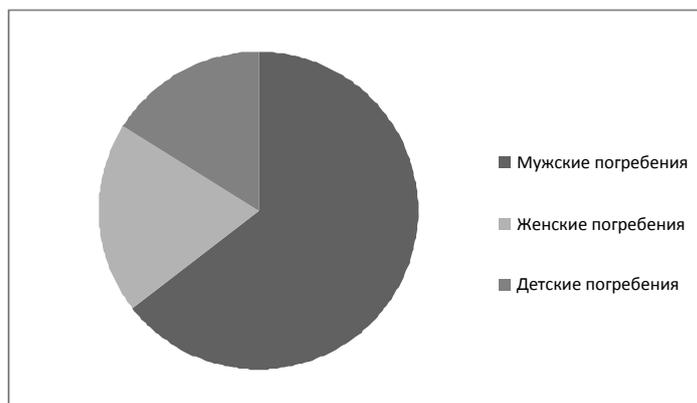

Рис. 2. Количество мужских детских и детских погребений в анализируемой выборке.

Гендерная и возрастная дифференциация общества

Известно, что в каждом обществе существуют гендерные стереотипы — социально разделяемые представления о личностных качествах и поведенческих моделях мужчин и женщин. Обычно они весьма устойчивы, но при определенных условиях могут изменяться. Гендерные стереотипы являются одним из факторов, формирующих систему социальных отношений, поэтому их изучение имеет большое значение для реконструкции организации конкретных обществ [Рябова, 2003, с. 132]. Опыт работ, осуществленных главным образом западными учеными, демонстрирует информативность материалов раскопок археологических памятников при исследовании социальных ролей мужчин и женщин [Берсенева, 2010b, с. 73].

Анализ погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона позволил выделить две основные группы показателей. В первую включены признаки, вариабельность которых не связана напрямую с гендерной дифференциацией обряда номадов (типы наземных и внутримогильных конструкций, ориентировка умершего) (табл. 1). Вторую группу показателей составили характеристики, различные для мужских и женских захоронений (параметры погребальных конструкций, количество лошадей, состав и количество инвентаря) (табл. 2, 3).

Структура социума раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона...

Таблица 1

Погребальные сооружения мужских, женских и детских захоронений

Элемент конструкции	Мужские погребения 133 (100 %)	Женские погребения 40 (100 %)	Детские погребения 31 (100 %)
Округлая насыпь	112 (84,21 %)	31 (77,5 %)	26 (83,87 %)
Подквадратная насыпь	6 (4,51 %)	4 (10 %)	2 (6,45 %)
Впускное погребение	14 (10,52 %)	5 (12,5 %)	1 (3,22 %)
Скальное погребение	1 (0,75 %)	—	2 (6,45 %)
Кольцевая выкладка	29 (21,8 %)	13 (32,5 %)	10 (32,25 %)
Крепида	21 (15,78 %)	7 (17,5 %)	8 (25,8 %)
Ограда	8 (6,01 %)	6 (15 %)	2 (6,45 %)
Перегородка	46 (34,58 %)	18 (45 %)	9 (29 %)
Приступка	42 (31,57 %)	19 (47,5 %)	4 (12,9 %)
Подбой	10 (7,51 %)	5 (12,5 %)	3 (9,67 %)
Перекрытие	18 (13,53 %)	6 (15 %)	4 (12,9 %)
Погребальная камера	17 (12,78 %)	8 (20 %)	4 (12,9 %)

Таблица 2

Сопроводительные захоронения животных в мужских, женских и детских погребениях

Количество и вид животных	Мужские погребения 133 (100 %)	Женские погребения 40 (100 %)	Детские погребения 31 (100 %)
Одна лошадь	95 (71,42 %)	32 (80 %)	3 (9,67 %)
Две лошади	19 (14,28 %)	1 (2,5 %)	—
Три лошади	4 (3 %)	—	—
Четыре лошади	1 (0,75 %)	—	—
Лошадь отсутствует	13 (9,77 %)	7 (17,5 %)	16 (51,64 %)
Овца	1 (0,75 %)	—	12 (38,7 %)

Таблица 3

Предметный комплекс из мужских, женских и детских погребений

Категория предметов	Элемент предметного комплекса	Мужские погребения 133 (100 %)	Женские погребения 40 (100 %)	Детские погребения 31 (100 %)
Вооружение	Лук	84 (63,15 %)	—	—
	Наконечники стрел	105 (78,94 %)	—	3 (9,67 %)
	Клинковое оружие	34 (25,56 %)	2 (5 %)	—
	Топор	4 (3 %)	—	—
	Копье	5 (3,75 %)	—	—
	Защитное вооружение	6 (4,5 %)	—	—
Украшения и предметы костюма	Наборный пояс	68 (51,12 %)	2 (5 %)	3 (9,67 %)
	Серьги	23 (17,29 %)	20 (50 %)	2 (6,45 %)
	Другие украшения	5 (3,75 %)	9 (22,5 %)	3 (9,67 %)
	Фрагменты шелковой одежды	34 (25,56 %)	8 (20 %)	—
	Монеты	8 (6,01 %)	1 (2,5 %)	—
Предметы быта и туалета	Металлическое зеркало	1 (0,75 %)	13 (32,5 %)	1 (3,22 %)
	Гребень	4 (3 %)	7 (17,5 %)	—
	Металлический сосуд	6 (4,5 %)	1 (2,5 %)	—
	Керамический сосуд	16 (12,3 %)	6 (15 %)	11 (35,48 %)
	Котел	4 (3 %)	—	—
	Игольник	—	5 (12,5 %)	—
Орудия труда	Нож	77 (57,89 %)	21 (52,5 %)	7 (22,58 %)
	Пряслица	—	7 (17,5 %)	1 (3,22 %)
	Тесло	41 (30,82 %)	—	1 (3,22 %)
	Оселок	7 (5,26 %)	1 (2,5 %)	—
	Кочедык	8 (6,01 %)	—	—
	Плеть/стек	13 (9,77 %)	4 (10 %)	—
Снаряжение лошади	Удила, псалии	100 (75,18 %)	25 (62,5 %)	3 (9,67 %)
	Стремена	93 (69,92 %)	22 (55 %)	3 (9,67 %)
	Украшения узды	17 (12,78 %)	13 (32,5 %)	1 (3,22 %)

Наиболее четким признаком гендерной дифференциации в материалах погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона является состав сопроводительного инвентаря. При изучении тенденций распределения различных категорий изделий в погребениях

бениях выделено четыре группы предметов: 1) вещи, характерные только для захоронений мужчин (вооружение, наборный пояс, серебряный сосуд, китайские монеты, котел, тесло, оселок, кочедык); 2) изделия, не несущие гендерной нагрузки и встреченные в равной степени в мужских и женских захоронениях (фрагменты шелковой одежды, нож, конское снаряжение, керамический сосуд, плеть); 3) находки, характерные преимущественно для женских погребений и встреченные в могилах мужчин значительно реже (серьги, различные украшения костюма, гребень, украшения конского снаряжения); 4) предметы, встреченные только в захоронениях представительниц слабого пола (металлическое зеркало, игольник и пряслице).

В целом, несмотря на фиксацию отдельных частных случаев [Серегин, 2012, с. 63–64], материалы раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона свидетельствуют о наличии четких гендерных стереотипов, получивших отражение в обряде номадов и демонстрирующих вполне традиционное для социумов кочевников разделение общественных ролей и функций мужчин и женщин.

Зафиксированная специфика показателей погребального обряда определялась также возрастной дифференциацией социума раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона. Принимая во внимание ограниченное количество погребений с антропологическими определениями, дробление анализируемой выборки на значительное количество групп согласно традиционному делению, принятому в антропологии [Алексеев, Дебец, 1964, с. 39], считаем непродуктивным. Более обоснованным в такой ситуации является выделение лишь нескольких основных возрастных групп [Берсенева, 2011, с. 51]. Такой подход, направленный главным образом на определение общих тенденций и закономерностей возрастной дифференциации в обществе, вместе с тем не исключает возможности рассмотрения частных нюансов, в случае если такие наблюдения обеспечены необходимыми материалами.

Возрастная дифференциация социума раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона может быть рассмотрена в рамках четырех основных групп: 1) «дети» (до 14 лет, с выделением промежуточной группы «подростки» — до 18 лет); 2) «юные» (18–25 лет); 3) «взрослые» (25–45 лет); 4) «старшие взрослые» (более 45–50 лет).

Отличительной особенностью имеющих материалы является незначительное количество детских погребений, особенно учитывая, что для определения могил представителей данной возрастной группы в большинстве случаев не требуется специального заключения антрополога. Вместе с тем данная ситуация не уникальна. Низкий процент детских захоронений отмечен в ходе исследования памятников целого ряда обществ древности и средневековья [Берсенева, 2010а, с. 108]. Особенно это характерно для кочевых социумов, отличающихся высокой степенью подвижности [Балабанова, 2009, с. 83–84]. Однако, судя по имеющимся материалам, основным объяснением зафиксированной ситуации является специфика похоронной обрядности раннесредневековых тюрок. Вероятно, захоронение детей далеко не во всех случаях предполагало сооружение «стандартного» погребального комплекса, что существенно осложняет фиксацию подобных объектов.

Выделяется несколько групп детских захоронений: 1) объекты, создание которых предполагало сооружение отдельной курганный насыпи, под которой находилась одна могильная яма; 2) погребения, отличительной характеристикой которых является расположение под одной курганный насыпью с другими захоронениями; 3) захоронения детей, совершенные в одной могиле со взрослым человеком; 4) скальные захоронения; 5) погребения, совершенные в межкурганный пространстве.

Несмотря на вариабельность зафиксированных традиций, стандарт погребального обряда детей демонстрирует высокую степень схожести основных показателей с традициями, характерными для взрослого населения общества раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона. Вместе с тем достаточно четко фиксируются и отличительные признаки. Наиболее существенными из них являлись «уменьшенные» параметры погребальных сооружений, отсутствие лошади или ее «замена» на овцу, а также качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря.

Редкость определений возраста и фрагментарность археологических материалов не позволяют определить четкие этапы социализации в обществе раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона. Вместе с тем заметно выделение погребений подростков (от 14–15 лет), отличающихся более частым присутствием захоронения лошади и фиксацией предметов сопроводительного инвентаря, не встреченных в могилах детей и в ряде случаев демонстрирующих гендерную принадлежность умершего. С другой стороны, для ряда объектов, связанных с погребениями лиц рассматриваемой возрастной группы, сохраняются признаки, сближающие их с захоронениями детей.

Структура социума раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона...

Количество захоронений молодых людей в анализируемой выборке весьма незначительно, что, вероятно, может объясняться низким уровнем смертности в этом возрасте. Очевидно, что лица данной возрастной группы отличаются повышенной активностью и, судя по имеющимся материалам, могли занимать достаточно высокое положение в обществе раннесредневековых тюрок. Данное утверждение представляется наиболее справедливым при характеристике статуса молодых воинов [Могильников, 1997, с. 198–202; Кубарев, 2005, с. 372–373]. Редкие погребения женщин данной возрастной группы в целом подтверждают обозначенные тенденции [Могильников, 1990, с. 142–144]. С другой стороны, следует отметить, что далеко не все молодые люди имели возможность занять высокое положение в общественной иерархии. Ряд погребений мужчин в возрасте 16–20 лет [Грязнов, Худяков, 1979, с. 152–153; Поселянин и др., 1999, с. 95; и др.] демонстрируют высокую степень сходства с захоронениями подростков.

К группе взрослых людей относится большая часть объектов, для которых имеется подробное антропологическое определение. Материалы раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок показывают довольно высокий уровень смертности в этом возрасте, особенно в период после 35–40 лет. С другой стороны, на данном этапе жизни наблюдается наибольший уровень физической активности, что в традиционных обществах в значительной степени определяет высокий статус. Действительно, погребения, связываемые по комплексу признаков с представителями элиты социума раннесредневековых кочевников, чаще всего создавались для умерших людей зрелого возраста [Серегин, 2013b, с. 76–78]. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в рамках рассматриваемой возрастной группы наблюдается и наибольшая дифференциация статуса. Известна серия захоронений, в материалах которых отсутствовали какие-либо признаки принадлежности умершего к высшим слоям социума, а также объекты, очевидно, связанные с погребением людей, находившихся при жизни на нижних уровнях общественной иерархии. Различный статус данным случаем, очевидно, не был связан с возрастом умерших, а определялся другими причинами.

В рамках анализируемой выборки выделяется достаточно представительная серия погребений, демонстрирующих положение пожилых людей в социуме раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона. Судя по зафиксированным показателям, мужчины в возрасте более 45 лет нередко имели весьма высокий статус в обществе кочевников. В рассматриваемых материалах присутствует группа захоронений пожилых людей, относившихся к различным уровням элиты номадов [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 113–114; Трифонов, 2000, с. 143–147; Кубарев, 2005, с. 368]. С другой стороны, не менее очевидным является сокращение даже в «богатых» захоронениях мужчин после 45 лет количества предметов вооружения, в том числе редких и «престижных» изделий (главным образом клинкового оружия). Случаи фиксации обозначенных находок в таких погребениях единичны [Гаврилова, 1965, с. 67–68; Нестеров, Худяков, 1979, с. 88–90]. Вероятно, данная ситуация демонстрирует общую тенденцию, связанную с сохранением пожилыми мужчинами высокого статуса в обществе, но снижением, в силу объективных обстоятельств, их положения в воинской иерархии.

Весьма высоким был статус в обществе раннесредневековых тюрок и пожилых женщин. Важно отметить, что в данном случае не наблюдается снижения статуса с возрастом. Материалы раскопок погребальных памятников демонстрируют не только сохранение, но даже повышение роли пожилых женщин в обществе номадов [Савинов, 1994, с. 104–124; Кубарев, 2005, с. 369; и др.]. Очевидно, неизбежное снижение физической активности и ограничение степени участия в трудовых операциях нивелировалось накопленным опытом и авторитетом.

Вертикальная стратификация социума

Одним из эффективных подходов в изучении социальной истории по материалам погребальных памятников является моделирование структуры и организации конкретных обществ древности и средневековья. Теоретические и практические аспекты подобных исследований достаточно подробно представлены в ряде публикаций [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 106–108], что избавляет от необходимости их рассмотрения в настоящей работе. Отметим лишь наиболее принципиальные моменты, связанные с реализацией обозначенного подхода на имеющемся в нашем распоряжении материале. Основой для выделения социально-типологических моделей, представляющих собой группы погребений, являлся многоступенчатый анализ объектов, предполагавший последовательную корреляцию всех показателей обряда, но главным образом тех, которые были определены как социально значимые [Серегин, 2013a, с. 76–97]. Каждая из

выделенных моделей характеризуется определенным набором маркирующих ее признаков. Мужские, женские и детские погребения рассматривались отдельно, что обусловлено наличием выявленной гендерной и возрастной дифференциации в обрядности раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона. Для объектов, объединенных в рамках выделенных социально-типологических групп, отмечена высокая степень унификации показателей. Вариабельность признаков в целом незначительна. Представим наиболее показательные признаки, характерные для каждой из выделенных моделей.

Наиболее полная картина дифференциации общества раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона фиксируется по материалам мужских захоронений. Основным показателем, различающим модели погребений, являлось соотношение предметов сопроводительного инвентаря, включенных в «комплекс власти» (редкое вооружение, плеть, котел и др.) и «комплекс богатства» (торевтика, импорт); менее важными были такие характеристики обряда, как количество лошадей и размеры наземных и внутримогильных сооружений. Всего выделено девять социально-типологических моделей мужских погребений. I модель (3 объекта — 2,25 %) представлена захоронениями, которые отличаются максимальным по количеству и разнообразию составом сопроводительного инвентаря, включающим предметы из «комплекса власти» и «комплекса богатства». Умершего человека сопровождали две — четыре лошади; показательны выдающиеся размеры курганной насыпи и могильной ямы. В погребениях II модели (7 объектов — 5,25 %) также зафиксированы предметы, включенные в «комплекс власти» и «комплекс богатства», однако отмечено меньшее количество категорий находок и редкость изделий из драгоценных металлов. В могиле присутствовали одна-две лошади; по размерам наземных и подкурганых конструкций объекты выделяются только в рамках отдельных некрополей, и то не во всех случаях. Для погребений III модели (8 объектов — 6 %) характерен минимальный набор вооружения (лук и стрелы или даже один из подобных элементов оружия дистанционного боя) и в то же время весьма показательный состав предметов торевтики, в том числе, изготовленных с применением драгоценных металлов. IV модель (5 объектов — 3,75 %) также включает захоронения с минимальным составом вооружения или даже его отсутствием в сочетании с предметами торевтики, качественно-количественный состав которых заметно уступает находкам, обнаруженным в ходе раскопок объектов третьей группы. В трех могилах отмечено отсутствие сопроводительного захоронения лошади, а в остальных объектах находилось только одно животное. Объекты, объединенные в рамках V модели (12 объектов — 9 %), сходны по разнообразному составу вооружения с погребениями второй группы, однако характеризуются более скромным набором предметов торевтики. К VI модели (7 объектов — 5,25 %) относятся погребения, основной отличительной характеристикой которых является разнообразный состав вооружения, предполагавший почти во всех случаях наличие клинкового оружия ближнего боя и значительно реже копья и защитного доспеха в сочетании с полным отсутствием предметов торевтики и других вещей, включенных в «комплекс богатства». Стандартным показателем погребений, отнесенных к VII модели (32 объекта — 24 %), является минимальный набор вооружения, а также наборный пояс, изготовленный в большинстве случаев из бронзы. В отдельных могилах зафиксированы немногочисленные украшения конской амуниции. VIII модель (51 объекта — 38,3 %) объединяет погребения, для которых характерно отсутствие предметов, включенных как в «комплекс власти», так и в «комплекс богатства». В захоронениях зафиксирован минимальный набор вооружения, из предметов торевтики только в четырех могилах встречены бронзовые серьги. К IX модели (8 объектов — 6 %) отнесены погребения, показателем которых является полное отсутствие вооружения и предметов торевтики. Наиболее распространены орудия труда (нож, тесло), а также конское снаряжение.

Меньшая степень дифференциации характерна для погребений женщин. В ходе анализа таких объектов выделено четыре модели. Основным показателем, отличающим социальные группы, являлся качественно-количественный состав предметов торевтики, остальные признаки имели меньшее значение. Для погребений I модели (8 объектов — 20 %) характерен наиболее разнообразный набор сопроводительного инвентаря, включающий не менее двух или трех из числа таких «престижных» вещей, как металлические зеркала, а также украшения конской амуниции и серьги, изготовленные чаще всего с использованием драгоценных металлов. Захоронения II модели (12 объектов — 30 %) отличаются большей редкостью фиксации предметов торевтики из драгоценных металлов, а также меньшим количеством социально значимых находок в одной могиле (не более двух). Для погребений III модели (8 объектов — 20 %) характерно

отсутствие вещей, изготовленных с использованием драгоценных металлов. Во всех объектах отмечалась одна, реже две категории предметов торевтики из бронзы. Стандартным показателем объектов IV модели (12 объектов — 30 %) является полное отсутствие предметов торевтики. Наиболее распространенными находками были нож и конское снаряжение.

Анализ немногочисленных детских погребений позволил выделить три социальные модели. К I модели (3 объекта — 9,7 %) отнесены захоронения, в составе сопроводительного инвентаря которых находились «престижные» предметы торевтики из бронзы. Погребения, объединенные в рамках II модели (6 объектов — 19,3 %), характеризуются фрагментарным присутствием вещей, распространенных в захоронениях взрослых людей (наконечники стрел, серьги и др.). В двух случаях в детской могиле обнаружено захоронение лошади. Погребениям III модели (22 объекта — 71 %) свойствен минимальный состав сопроводительного инвентаря или его отсутствие.

Выделенные модели демонстрируют вертикальную структуру общества раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона. Не представляя развернутой интерпретации всех обозначенных групп погребений, обратим внимание на сложность социума номадов, в частности неоднородность элиты кочевников, наличие слоя профессиональных воинов, а также лиц высокого статуса, не связанных с военным делом. Гетерогенность общества кочевников иллюстрируют также материалы погребений, которые по ряду признаков представляется возможным связать с зависимыми слоями населения. Очевидно, особенности статуса последней группы номадов могут отражать материалы раскопок отдельных безынвентарных захоронений, не включенных в анализируемую выборку по причине отсутствия необходимых сведений.

Обсуждение результатов

Многие характеристики общественного устройства раннесредневековых кочевников, зафиксированные по материалам погребальных комплексов Алтае-Саянского региона, находят подтверждение в письменных источниках — китайских династийных хрониках и тюркских рунических текстах.

Сведения раннесредневековых авторов позволяют дополнить картину гендерной дифференциации общества раннесредневековых тюрок. С одной стороны, в письменных источниках отражены традиционные модели поведения представителей обоих полов. Основным занятием мужчин было военное дело. Весьма подробное описание постоянных походов приведено в памятниках рунической письменности. Кроме того, мужчины пасли скот, занимались охотой, а также ремеслами, связанными главным образом с производством изделий из металла. Соответственно все остальные многочисленные хозяйственные занятия, а также воспитание детей ложились на женщин. Вместе с тем отдельные сообщения раннесредневековых авторов позволяют предполагать, что представительницы слабого пола в обществе тюрок занимали достаточно высокое положение и могли выполнять более широкий круг функций.

В письменных источниках неоднократно указывается на уважение и почтение, которым пользовались катун, а также мать кагана [Лю Маоцай, 2002, с. 70]. В надписи в честь Тоньюкука представлена ситуация, в которой каган, находясь в военном походе, оставил войско, чтобы вернуться домой и совершить «погребальные церемонии» в связи со смертью супруги [Малов, 1959, с. 68]. В другом памятнике рунической письменности «мать-катун» названа первой по знатности из женщин, находившихся в орде, спасенной Кюль-Тегинотом от врагов [Там же, с. 42]. Имеется упоминание, что жена правителя державы тюрок принимала участие в «военных предприятых» [Лю Маоцай, 2002, с. 40]. Судя по всему, весьма значимой была власть катун после смерти ее мужа и в периоды малолетства сына, выбранного каганом [Бичурин, 1950, с. 277]. В династийных хрониках, в силу вполне понятных причин, неоднократно подчеркивается участие в политическом процессе китайских «царевен», выданных замуж за тюркских правителей [Там же, с. 240–241, 247; Лю Маоцай, 2002, с. 64; и др.].

Анализ письменных источников позволяет обозначить свидетельства различного социального статуса представительниц слабого пола в обществе кочевников [Малов, 1959, с. 42; Лю Маоцай, 2002, с. 70]. Особый интерес представляют упоминания в династийных хрониках о женщинах, выполнявших определенные культовые функции [Лю Маоцай, 2002, с. 23, 97, 99].

Сведения письменных источников существенным образом дополняют фрагментарные наблюдения о возрастной стратификации социума раннесредневековых тюрок, сделанные по материалам погребальных комплексов. Судя по приведенной в тюркских рунических текстах информации, взросление детей и включение их в хозяйственные занятия, в том числе переход мальчиков в разряд взрослых воинов, происходили достаточно рано. Известно упоминание о

том, что Кюль-тегин к 16 годам уже «снискал воинское имя» и добился восстановления державы тюрков [Тугушева, 2008, с. 44]. Бильге-каган в возрасте 17 лет успешно руководил военной операцией против тангутов [Там же, с. 58].

Вместе с тем в письменных источниках практически нет упоминаний о детях до подросткового возраста. Редкое исключение представляет ставшая хрестоматийной легенда о происхождении тюрков, где главным действующим лицом является мальчик, спасшийся от врагов и положивший начало роду Ашина [Бичурин, 1950, с. 220]. Это указывает на то, что в целом дети до достижения определенного возраста не рассматривались как самостоятельные члены социума кочевников, и, видимо, получение такого статуса требовало реализации определенных обрядовых действий, различные варианты которых известны в этнографических материалах.

Находят подтверждение и наблюдения о достаточно высоком статусе пожилых людей. В китайских хрониках и тюркских текстах неоднократно фиксируется подчеркнутое уважение к матери [Лю Маоцай, 2002, с. 70; Тугушева, 2008, с. 42, 44], что, очевидно, отражает общее отношение к представительницам слабого пола преклонного возраста. Имеются упоминания о значительной роли в управлении различными структурами общества и большом авторитете старейшин [Бичурин, 1950, с. 221, 239, 243, 255, 271; Тугушева, 2008, с. 78]. В надписи на памятнике, созданном в честь известного военачальника Тоньюкука, приведена следующая характеристика статуса людей преклонного возраста: «...Сам я состарился и стал почтенным» [Тугушева, 2008, с. 86].

Значительно менее информативны письменные источники при рассмотрении вертикальной стратификации социума раннесредневековых тюрков. Большая часть сведений в этом плане связана с характеристикой элиты кочевников. Имеются также неоднократные упоминания о зависимых слоях населения [Бернштам, 1946, с. 110–126; Кляшторный, Савинов, 2005, с. 156–157; Тишин, 2014]. При этом практически полностью отсутствует информация, позволяющая детализировать особенности дифференциации в среде рядовых номадов, составляющих основную часть общества раннесредневековых тюрков. Учитывая имеющиеся немногочисленные сведения, а также принимая во внимание общие тенденции социальной истории номадов, можно предположить, что стратификация этой группы населения была связана главным образом с военно-административной системой управления в тюркских каганатах.

Заключение

Материалы погребальных комплексов раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона отражают высокую степень гетерогенности общества номадов, одной из составляющих которой являлась социальная дифференциация. Анализ раскопанных памятников стал основой для реконструкции гендерной и возрастной и возрастной структуры социума, а также выделения основных социальных групп, демонстрирующих вертикальное устройство объединений кочевников.

Судя по имеющимся сведениям, в обществе раннесредневековых тюрков существовали устойчивые гендерные стереотипы, обусловленные в значительной степени разделением труда на мужской и женский. Сведения письменных источников подтверждают сделанные наблюдения, однако показывают возможность более активного участия женщин в ряде сфер общественно-политической жизни. Следует отметить, что гендерные стереотипы получили отражение и в материалах детских погребений, что является одним из свидетельств раннего включения представителей данной возрастной группы в систему общественных отношений.

Ограниченное количество антропологических определений не позволило детально проследить этапы социализации человека в обществе раннесредневековых тюрков. Вместе с тем можно утверждать, что статус индивида в немалой степени зависел от принадлежности его к той или иной возрастной группе. Наибольшее значение в социуме кочевников имели мужчины и женщины в возрасте 25–45 лет. Именно на данном этапе жизни наблюдается наивысший уровень физической активности, в традиционных обществах нередко определявший статус. Установлено, что большая часть погребений, связываемых по комплексу признаков с представителями элиты социума раннесредневековых кочевников, были сооружены для умерших людей зрелого возраста. Нередко пожилые люди сохраняли высокий статус, что обуславливалось ценностью для общества накопленных ими опыта, знаний и имевшегося авторитета. Вместе с тем материалы археологических памятников демонстрируют снижение роли пожилых мужчин в воинской иерархии в силу объективного ограничения физических возможностей.

Структура социума раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона...

Одной из характеристик погребального обряда раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии является высокая степень его унификации. Данное косвенное свидетельство уровня консолидации общества серьезным образом осложняет социальные реконструкции, нивелируя значение многих элементов обряда, считавшихся абсолютными маркерами прижизненного статуса умерших людей при исследовании объединений номадов более раннего времени. Проведенный статистический и контекстуальный анализ материалов раскопок захоронений раннесредневековых тюрок позволил заключить, что относительными показателями положения погребенного были параметры сооружений и количество лошадей в могиле. Основным критерием для определения статуса умершего при жизни являлся качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря, обнаруженного в погребении. Дальнейшая корреляция зафиксированных социально значимых элементов обрядовой практики, главным образом «социальных маркеров», стала основой для выделения групп захоронений, отражающих вертикальную структуру общества раннесредневековых тюрок.

Археологические материалы и дополняющие их сведения письменных источников демонстрируют особенности динамики социальной системы раннесредневековых тюрок. Изменения в этой области были связаны главным образом с конкретной политической ситуацией в регионе. Влияние на социальную систему номадов на разных этапах ее сложения и развития оказывали оседло-земледельческие соседи, и прежде всего Китай, контакты с которым были наиболее интенсивными. Сложную организацию социума раннесредневековых номадов показывает неоднородность элиты, включавшей не только представителей военной верхушки, но также управленцев, не связанных непосредственно с военным делом.

Известная ограниченность имеющихся в нашем распоряжении археологических материалов не позволила реализовать в полной мере все возможности социальных реконструкций. Детализация полученных выводов и сделанных наблюдений связана с более подробным анализом письменных источников и корреляцией представленной в них информации с результатами анализа погребальных комплексов. Дальнейшие исследования в этом направлении будут способствовать продвижению к пониманию сложных процессов формирования и эволюции социальной системы раннесредневековых тюрок и объективной оценке влияния на нее разноплановых факторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Балабанова М.А.* Половозрастная структура населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья // РА. 2009. №3. С. 79–88.
- Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 208 с.
- Берсенева Н.А.* Гендерный анализ детских погребений в древних обществах: Теоретические подходы, проблемы и перспективы // Культура как система в историческом контексте. Томск: Аграф-Пресс, 2010а. С. 107–110.
- Берсенева Н.А.* Погребальные памятники саргатской культуры Среднего Прииртышья: Гендерный анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010b. № 3 (43). С. 72–81.
- Берсенева Н.А.* Социальная археология: Возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 204 с.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 380 с.
- Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Грязнов М.П., Худяков Ю.С.* Кыргызское время // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 146–159.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В.* Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Тр. ГИМ. 1941. Вып 16. С. 75–117.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
- Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б.* Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток: Дальнаука, 2004. 106 с.
- Кубарев Г.В.* Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
- Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Вост. лит., 1997. 319 с.

- Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках // Бюл. О-ва востоковедов. М.: Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2002. 126 с.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 198 с.
- Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 137–185.
- Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. С. 187–234.
- Нестеров С.П., Худяков Ю.С. Погребение с конем могильника Тепсей-III // Сибирь в древности. Новосибирск: Наука, 1979. С. 88–92.
- Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: Культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 88–116.
- Рябова Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. V. Вып. 1–2 (15–16). С. 120–138.
- Савинов Д.Г. Могильник Бертек-34 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994. С. 104–124.
- Серегин Н.Н. Общие и особенные характеристики женских погребений раннесредневековых тюрков Центральной Азии: (К реконструкции некоторых аспектов гендерной истории) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 2 (17). С. 61–69.
- Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013а. 206 с.
- Серегин Н.Н. Элита раннесредневековых тюрков Саяно-Алтая (по материалам погребальных комплексов) // КСИА. 2013b. Вып. 229. С. 71–83.
- Тишин В.В. К проблеме форм эксплуатации и социальной зависимости в древнетюркской среде VI–XI вв.: Историографический аспект // ЭО. 2014. С. 93–107.
- Тишкин А.А., Даишевский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.
- Тугушева Л.Ю. Тюркские рунические памятники из Монголии. М.: ИНСАН, 2008. 192 с.

N.N. Seregin

Altai State University

Prospekt Lenina, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation

E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

SOCIETY STRUCTURE OF EARLY MEDIEVAL TURKS IN ALTAI-SAYAN REGION (on materials of funeral complexes)

The article concerns various aspects of social interpretation of funeral complexes of early medieval Turks (the 2nd half of I thousand AD). Results of the analysis of the sites which are dug out in Altai, Tuva and Minusinsk Depression are presented. Features of gender and age differentiation of early medieval Turkic society are characterized. Possibilities of modeling of nomadic society vertical structure are separately considered. The groups of burials showing heterogeneity of Turkic tribes of the Altai-Sayan region in the 2nd half of I thousand AD are allocated.

Key words: social structure, early medieval Turkic tribes, Altai-Sayan region, funeral complexes, gender and age differentiation, reconstruction.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-32-1-066-077

REFERENCES

- Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. *Kraniometriia: Metodika antropologicheskikh issledovaniï* [Kraniometry. Technique of anthropological researches], Moscow: Nauka, 128 p.
- Balabanova M.A., 2009. Polovozrastnaia struktura naseleniia pozdnesarmatskogo vremeni Nizhnego Povolzh'ia [Gender and age structure of the population of late Sarmatian time of Lower Volga area]. *Rossiyskaya arkheologiya*, no. 3, pp. 79–88.
- Bernshtam A.N., 1946. *Sotsial'no-ekonomicheskii stroi orkhono-eniseiskikh tiurok VI–VIII vekov* [Social and economic system of Orkhon-Yenisei Turks in VI–VIII centuries], Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 208 p.
- Berseneva N.A., 2010a. Gendernyi analiz detskikh pogrebenii v drevnikh obshchestvakh: Teoreticheskie podkhody, problemy i perspektivy [The gender analysis of children's burials in ancient societies: Theoretical approaches, problems and prospects]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste*, Tomsk: Agraf-Press, pp. 107–110.

Структура социума раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона...

- Berseneva N.A., 2010b. Pogrebal'nye pamiatniki sargatskoi kul'tury Srednego Priirtysh'ia: Gendernyi analiz [Funeral sites of Sargat culture of the middle stream of Irtysh river: Gender analysis]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, no. 3 (43), pp. 72–81.
- Berseneva N.A., 2011. *Sotsial'naia arkheologiya: vozrast, gender i status v pogrebeniakh sargatskoi kul'tury* [Social archeology: Age, a gender and the status in burials of Sargat culture], Ekaterinburg: UrO RAN, 204 p.
- Bichurin N.Ia., 1950. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena* [Collection of data on the people living in Central Asia in ancient times], Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, vol. 1, 380 p.
- Gavrilova A.A., 1965. *Mogil'nik Kudyrga kak istochnik po istorii altaiskikh plemen* [Burial ground Kudyrga as a source on stories of the Altai tribes], Moscow; Leningrad: Nauka, 146 p.
- Griaznov M.P., Khudiakov Iu.S., 1979. Kyrgyzskoe vremia [Kyrgyz time]. *Kompleks arkheologicheskikh pamiatnikov u gory Tepsei na Enisee*, Novosibirsk: Nauka, pp. 146–159.
- Evtiukhova L.A., Kiselev S.V., 1941. Otchet o rabotakh Saiano-Altayskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1935 g. [The report on works of Sayan-Altai archaeological expedition in 1935]. *Trudy GIM*, no. 16, pp. 75–117.
- Kliashornyi S.G., Savinov D.G., 2005. *Stepnye imperii drevnei Evrazii* [Steppe empires of ancient Eurasia], St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 346 p.
- Kradin N.N., Danilov S.V., Kononov P.B., 2004. *Sotsial'naia struktura khunnu Zabaikal'ia* [Social structure of Xuingnu of Transbaikal region], Vladivostok: Dal'nauka, 106 p.
- Kubarev G.V., 2005. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov)* [Culture of ancient Turks of Altai (on materials of funeral sites)], Novosibirsk: IAET SO RAN, 400 p.
- Kychanov E.I., 1997. *Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov* [The nomadic states from Huns to Manchurians], Moscow: Vostochnaia literatura, 319 p.
- Liu Maotsai, 2002. Svedeniia o drevnikh tiurkakh v srednevekovykh kitaiskikh istochnikakh [Data on ancient Turkic peoples in medieval Chinese sources]. *Biulleten' Obshchestva vostokovedov*, Moscow: Institute of oriental studies RAS, 126 p.
- Malov S.E., 1959. *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti Mongolii i Kirgizii* [Monuments of ancient Turkic writing in Mongolia and Kyrgyzstan], Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 198 p.
- Mogil'nikov V.A., 1990. Drevnetiurkskie kurgany Kara-Koba-I [Ancient Turkic mounds of Kara-Koba]. *Problemy izucheniia drevnei i srednevekovoi istorii Gornogo Altaia*, Gorno-Altaysk: GANIIIIAL, pp. 137–185.
- Mogil'nikov V.A., 1997. Kurgan 85 Kara-Koby-I i nekotorye itogi izucheniia drevnetiurkskikh pamiatnikov Altaia v sviazi s issledovaniiami v Kara-Kobe [Barrow 85 of Kara-Koba-I and some results of studying of ancient Turkic sites in Altai in connection with researches in Kara-Koba]. *Istochniki po istorii Respubliki Altai*, Gorno-Altaysk: GAIGI, pp. 187–234.
- Nesterov S.P., Khudiakov Iu.S., 1979. Pogrebenie s konem mogil'nika Tepsei-III [Burial with a horse of a burial ground Tepsey-III]. *Sibir' v drevnosti*, Novosibirsk: Nauka, pp. 88–92.
- Poselianin A.I., Kirginekov E.N., Tarakanov V.V., 1999. Issledovanie srednevekovogo mogil'nika Belyi Iar-II [Research of a medieval burial ground Belyi Iar-II]. *Evraziia: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii*, Novosibirsk: NGU, vol. 2, pp. 88–116.
- Riabova T.B., 2003. Stereotipy i stereotipizatsiia kak problema gendernykh issledovaniia [Stereotypes and stereotypification as problem of gender researches]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, vol. V, no. 1–2 (15–16), pp. 120–138.
- Savinov D.G., 1994. Mogil'nik Bertek-34 [Burial ground Bertek-34]. *Drevnie kul'tury Bertekskoi doliny*, Novosibirsk: Nauka, pp. 104–124.
- Seregin N.N., 2012. Obshchie i osobennye kharakteristiki zhenskikh pogrebenii rannesrednevekovykh tiurok Tsentral'noi Azii (k rekonstruktsii nekotorykh aspektov gendernoi istorii) [The general and special characteristics of female burials of early medieval Turks in Central Asia (to reconstruction of some aspects of gender history)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 2 (17), pp. 61–69.
- Seregin N.N., 2013a. *Sotsial'naia organizatsiia rannesrednevekovykh tiurok Altae-Saianskogo regiona i Tsentral'noi Azii (po materialam pogrebal'nykh kompleksov)* [The social organization of early medieval Turks of the Altai-Sayan region and Central Asia (on materials of funeral complexes)], Barnaul: Izdatel'stvo AltGU, 206 p.
- Seregin N.N., 2013b. Elita rannesrednevekovykh tiurok Saiano-Altai (po materialam pogrebal'nykh kompleksov) [Elite of early medieval Turks of Sayan-Altai (on materials of funeral complexes)]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, no. 229, pp. 71–83.
- Tishin V.V., 2014. K probleme form ekspluatatsii i sotsial'noi zavisimosti v drevnetiurkskoi srede VI–XI vv.: Istoriograficheskii aspekt [To a problem of forms of operation and social dependence in the ancient Turkic society of the VI–XI centuries: historiographic aspect]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 93–107.
- Tishkin A.A., Dashkovskii P.K., 2003. *Sotsial'naia struktura i sistema mirovozzrenii naseleniia Altaia skifskoi epokhi* [Social structure and system of outlooks of the population of Altai during the Scythian era], Barnaul: Izdatel'stvo AltGU, 430 p.
- Tugusheva L.Iu., 2008. *Tiurkskie runicheskie pamiatniki iz Mongolii* [Turkic runic monuments from Mongolia], Moscow: INSAN, 192 p.